

The background image is a dramatic scene of a person walking away from the viewer down a forest path. The person is silhouetted against a bright, fiery orange and yellow light source, likely a sunset or sunrise, which creates a strong backlight effect. The forest is composed of tall, dark evergreen trees that frame the path. The overall mood is mysterious and ominous.

Александр Восьмой

**Зомби 9.
Нулевой маяк**

18+

Александр Восьмой
Зомби 9. Нулевой маяк

«Автор»

2026

Восьмой А.

Зомби 9. Нулевой маяк / А. Восьмой — «Автор», 2026

Когда первые зомби появились в портах, их считали беженцами из проклятых земель. Но вскоре стало ясно: это новая форма жизни, которая не знает смерти и не признаёт границ. От портовых трущоб до дворцов на холмах — эпидемия страха расползается быстрее, чем пламя. Группа выживших пытается добраться до легендарного «Нулевого маяка», где, по слухам, можно найти способ остановить заражение. Но чем ближе они к цели, тем сильнее понимают: враг не снаружи, а внутри каждого из них. В этой части саги ужас обретает масштаб катастрофы, а надежда — цену, которую не каждый готов заплатить. Кульминация всей трилогии, где сталкиваются воля к жизни и неизбежность конца, а финальный выбор определит, останется ли хоть что-то от прежнего мира.

© Восьмой А., 2026

© Автор, 2026

Александр Восьмой

Зомби 9. Нулевой маяк

Глава 1. Беженцы с того берега

Сольтаун встречал рассвет не криком чаек, а скрипом ржавых цепей и тяжёлым дыханием моря, будто сам город силился выдохнуть из себя дурной сон. Причал №7, давно списанный в негодность, сегодня кишел людьми — не в праздничном оживлении, а в той суетливой, нервной толкотне, когда каждый шаг кажется слишком громким, а тень — чужой.

Корабль пришёл без экипажа. Он не пришвартовался — просто встал, как вставший на дыбы зверь, уткнувшись носом в гнилые сваи. На палубе не было ни криков, ни приветствий, ни даже скрипа сапог. Только тридцать семь фигур, застывших в разных позах, словно кто-то разом остановил время. Они дышали — это было слышно издали, тяжёлое, хриплое дыхание, будто каждый вдох давался им ценой невыносимого усилия. Но они не говорили. И не смотрели — вернее, смотрели, но сквозь людей, сквозь доски причала, сквозь саму суть вещей, будто видели что-то, чего живым видеть не полагалось.

Власти быстро навесили ярлык: «переселенцы из проклятых земель». Слова звучали как оправдание — и как заклинание, призванное отогнать страх. Их вели по узким улочкам, мимо домов с заколоченными окнами, мимо лавок, где торговцы прятали товар, будто он мог заразиться одним их взглядом. В глазах горожан читался не столько ужас, сколько стыд — стыд за собственное любопытство, за то, что хочется подойти ближе, взглядеться, понять, как это — быть между жизнью и чем-то иным.

Карантинные бараки в портовых трущобах встретили беженцев сыростью и запахом тлена, будто сами стены помнили смерть. К ночи город затаил дыхание. Звуки стихли один за другим: сначала смех в таверне, потом скрип телеги, потом даже вой бродячей собаки. А потом замолчали и бараки — не постепенно, а разом, будто кто-то дёрнул невидимый рычаг.

Утром бараки были пусты. Ни следов борьбы, ни разбросанных вещей, ни даже отпечатков ног на влажной земле — только странный, едва уловимый запах, похожий на запах остывшего пепла и чего-то сладкого, почти цветочного.

Первая семья, рискнувшая приютить девочку-беженку, проснулась от тишины — той особенной, звенящей тишины, которая бывает, когда в доме не хватает чьего-то дыхания. В детской кровати никого не было. Простыня лежала ровно, будто её аккуратно расправили. Мать бросилась по комнатам, зовя дочь, её голос дрожал и ломался, разбиваясь о стены. Отец стоял у кухонного буфета, не двигаясь, не моргая, сжимая пальцами резную ручку дверцы. Когда он наконец открыл её, внутри, на чистой льняной салфетке, лежали детские зубы — аккуратно сложенные, будто собранные для какого-то жуткого, неведомого ритуала.

В тот день Сольтаун перестал верить в простые объяснения. А эпидемия страха, ещё не названная так вслух, уже текла по его венам, быстрее, чем вода в ливневых стоках, и холоднее, чем северный ветер.

Глава 2. Прозрение доктора Краахе

Лаборатория Мадлен Краахе пахла спиртом, железом и тишиной, которая казалась слишком плотной, будто сама комната сопротивлялась любому звуку. На столе лежало тело — не труп в привычном смысле, а нечто, что отказывалось укладываться в рамки учебников. Кожа была серой, но под ней, словно по невидимым жилам, медленно перекачивались тусклые прожилки света — будто внутри текла не кровь, а сама тьма, разбавленная искрами.

Мадлен работала без перчаток — не из бравады, а из отчаянной потребности чувствовать. Каждый надрез отзывался в пальцах странным теплом, будто ткань помнила жизнь и пыталась её удержать. И она не распадалась. Ни после часа вскрытия, ни после двух. Мышцы

сохраняли напряжение, сосуды не схлопывались, а волокна сплетались заново — не хаотично, а с пугающей, почти разумной точностью. Это была жизнь, вывернутая наизнанку: она существовала вопреки смерти, не как её продолжение, а как её отрицание.

В блокноте, исписанном мелким почерком, Краахе вывела семь строк — семь типов заражённых, каждый со своей логикой ужаса. Жалующие — их слёзы были не водой, а проводником, они звали по именам, и голос проникал не в уши, а прямо в память. Тихие — неподвижные, похожие на изваяния, но стоило звякнуть ложке или скрипнуть стулу, как они вскидывали головы, и в их глазах вспыхивал голодный, острый свет. Хозяйки — укачивали свёртки, напевая без слов, а в тряпках шевелились споры, готовые прорасти в любом, кто задержится рядом дольше минуты. Ходячие стены — сросшиеся тела, перекрывавшие улицы, будто природа решила построить баррикады из человеческой плоти. Зеркальные — они копировали жесты, интонации, привычки, пока человек не начинал видеть в них себя, а потом незаметно вытесняли его из собственной жизни. Глубинные — поднимались из воды в пелене тумана, оставляя на берегу мокрые следы, которые тут же растворялись, будто море стирало их за собой. И Король — единственный, кто говорил осмысленно, кто знал, что происходит, и просил лишь об одном: довести его до маяка. «Я — первый», — шептал он, и в этом признании было больше ужаса, чем в крике тысячи мертвецов.

Краахе хотела отправить отчёт. Она набрала адрес, вставила файл, нажала «отправить» — и экран моргнул, почернел, а затем вывел одну строчку: «Сервер недоступен». Она обернулась — в дверях стояли люди. Нет, не люди. Её собственные отражения — семь фигур, каждая с её лицом, но с разными глазами: одни плакали, другие застыли в неподвижности, третьи покачивались, будто убаюкивая пустоту. Они не двигались, но комната вдруг стала тесной, воздух — густым, а тишина — тяжёлой, как свинец.

Она поняла: гости — это она сама. Или то, во что она превратится, если не успеет. Дрожащей рукой она схватила перо, окунула его в лужицу крови, выступившей из пореза на пальце, и начала писать последнюю запись в дневнике. Буквы ложились неровно, будто чернила сопротивлялись смыслу: «Они не возвращаются. Они уже здесь. И их семеро».

Перо выпало из её пальцев. В комнате стало темнее — не от заката, а от того, что свет будто стекал по стенам, как вода. Семь отражений шагнули вперёд, и их шаги прозвучали в унисон — как удары сердца, которое уже не принадлежало ей.

Глава 3. Сольтаун горит

Пламя пришло не как беда — как приговор. Оно не кралось по крышам, не подбиралось осторожными языками: оно обрушилось на портовые трущобы разом, будто небо раскололось и вылило на город жидкий огонь. Совет знатных семей принял решение быстро и без колебаний: сжечь квартал вместе с живыми, чтобы остановить заразу. Приказ прозвучал сухо, как щелчок затвора, и уже через час первые факелы коснулись сухих балок, а дым поднялся выше колоколен, окрасив рассвет в цвет запекшейся крови.

Огонь ревел, пожирая дом за домом, но в этом реве не было очищения. Заражённые не сгорали — они преображались. Из пламени выходили существа, которых раньше не видели: их кожа трескалась от жара, обнажая слои чего-то вязкого и тёмного, а из трещин сочился не дым, а густая взвесь спор, оседавшая на стенах, на одежде, на коже тех, кто пытался бежать. Огонь не убивал их — он выковывал новую форму ужаса, более жестокую, более упрямую.

Сирота Таэл бежал, не разбирая дороги, спотыкаясь о выброшенные вещи, перепрыгивая через рухнувшие балки. Он помнил только одно: голос матери, который шептал ему перед тем, как город перестал быть домом: «Держись воды. Вода помнит путь». В дыму он едва различал фигуры — одни метались, другие застывали, третьи тянули к нему руки, и в их глазах не было боли, только пустота, в которой тонули имена.

Контрабандистка Рэя шла сквозь хаос с холодным расчётом, будто каждый шаг был частью давно продуманного маршрута. Она знала этот город по его тайным жилам — по узким проходам между складами, по скрытым лестницам, по люкам, ведущим в стоки. Но сегодня даже её знание не спасало: на каждом повороте ждали новые ужасы. В переулке она наткнулась на Хозяйку — та сидела на ступенях, укачивая свёрток, и напевала что-то без слов. Споры в тряпках уже начали прорастать, и воздух вокруг неё стал густым, почти липким. Рэя не стала смотреть дольше секунды — она рванулась вперёд, чувствуя, как что-то царапает ей спину незримыми когтями страха.

Старый маячник Орд шёл последним, не потому что был медленным, а потому что не мог оставить город без прощального взгляда. Он знал Сольтаун не по улицам, а по ветру, по крику чаек, по ритму приливов. Для него маяк был не просто башней — он был голосом, который говорил с морем. И теперь, когда город сгорал, ему казалось, что море отвечает ему шёпотом, полным горечи. Он видел, как Тихие, сидевшие кучами на площадях, вдруг вскидывали головы, стоило треснуть балке или вскрикнуть кому-то из бегущих. Они просыпались от звука, как от удара, и их неподвижность сменялась стремительным, хищным движением.

Их пути сошлись у единственного моста через залив — узкой полосы камня и дерева, которая теперь казалась единственной нитью, связывающей прошлое с будущим. По одну сторону бушевал огонь, по другую — ждала неизвестность. Мост был забит беженцами, кричащими, плачущими, цепляющимися друг за друга в отчаянной попытке вырваться из ада. Но впереди, у самого въезда на мост, выросла Ходячая стена — сросшиеся тела, переплетённые в живую баррикаду, которая перекрывала путь, будто сама земля решила сказать: «Дальше нельзя».

И тогда из дыма вышли Зеркальные. Они не бежали, не кричали — они шли спокойно, копируя движения людей, повторяя их жесты, их слова, пока хаос не начал казаться отражением чего-то ещё более страшного. Один из них остановился напротив Таэла и повторил его имя — не как вопрос, а как обещание. Другой встал рядом с Рэей и улыбнулся её улыбкой, но глаза у него были чужие, пустые, как колодцы без дна. Орд смотрел на них и понимал: враг не только снаружи. Он уже пробрался внутрь, в движения, в голоса, в самую суть того, кем они были.

Огонь отрезал берег, пожирая последние пути к отступлению. Над городом висел пепел, тяжёлый и горький, словно сам воздух стал памятью о том, что здесь было. И в этом пепле, в этом огне, в этом хаосе трое выживших стояли перед выбором, который не оставлял места для сомнений: шагнуть вперёд, сквозь стену из тел и отражений, или остаться здесь, в городе, который сгорал, унося с собой всё, что они знали.

Они выбрали путь. Мост дрогнул под их шагами, и где-то вдали, за пеленой дыма, мелькнул слабый свет — будто маяк уже звал их, зная, что они придут.

Глава 4. Каннибалы Аслан-Горы

Тропа, выходящая по склонам Аслан-горного кряжа, не вела — она испытывала. Каждый шаг отзывался эхом, и эхо звучало не как отзвук камня, а как чей-то чужой, насмешливый голос, будто горы подслушивали мысли и повторяли самое страшное. Туман цеплялся за плечи, холодный и липкий, словно пытался удержать путников, заставить их остаться и раствориться в этой серой тишине.

Таэл шёл впереди, стараясь не смотреть по сторонам: ему казалось, что тени в расщелинах шевелятся не от ветра, а от голода. Рэя держалась позади, сжимая рукоять ножа так, что побелели костяшки — она знала: в таких местах опасность не бросается сразу, она сначала присматривается. Орд замыкал цепочку, его взгляд скользил по скалам, выискивая признаки жизни — или того, что её заменило. Он не верил в легенды о кланах плоти, пока не увидел первые знаки: выбеленные кости, аккуратно уложенные в форме спирали; обрывки ткани, при-

битые к камням ржавыми гвоздями; и запах — тяжёлый, сладковатый, от которого першило в горле и темнело в глазах.

Пещеры открылись внезапно — не как тёмные провалы, а как зева, широко разинутые, будто скалы улыбались недоброй, каменной улыбкой. Из темноты вышли люди — не заражённые, не зомби, не призраки. Обычные, но в их обыденности было что-то чудовищное: спокойные лица, уверенные движения, глаза, в которых не было ни страха, ни жалости, только расчёт. Они не напали — они окружили, тихо, без криков, без суеты, как охотники, знающие, что добыча уже никуда не денется.

Таэла схватили первым. Он даже не успел вскрикнуть — на него просто навалились, прижали к земле, затянули руки грубой верёвкой. Его глаза расширились, когда он увидел, как один из пленителей спокойно, почти буднично, провёл пальцем по его шее, проверяя пульс, будто оценивал свежесть мяса.

Рэя не стала бросаться с ножом — она знала, что здесь сила не решает. Здесь решают слова. Она шагнула вперёд, подняла руки, показывая, что не вооружена, и заговорила — не умоляя, а предлагая сделку. Её голос звучал твёрдо, даже когда внутри всё сжималось от ужаса: она предложила то, что ценилось выше золота и оружия — знание. Она сказала, что знает путь к Нулевому маяку. Что это единственный шанс остановить то, что пожирает мир. Что если они помогут — возможно, у них самих появится шанс выжить, когда зараза доберётся и до этих гор.

Вождь, которого называли Обьедалой, слушал, не моргая. Он был крупным, тяжёлым, но в его движениях не было неуклюжести — только уверенность человека, привыкшего быть хозяином в мире, где жизнь измеряется не годами, а кусками. Когда Рэя закончила, он усмехнулся — не зло, а скорее устало, будто слышал такие обещания всю свою жизнь.

— Ты думаешь, мы боимся заразы? — его голос звучал низко, гулко, как камень, катящийся по ущелью. — Мы видели, как эти «не-мёртвые» плачут и зовут по именам. Видели, как они замирают, будто статуи, и просыпаются от звука. И знаешь, что я скажу? Они — настоящие люди. У них есть цель. А вы... вы просто мясо без смысла.

Он сделал паузу, глядя на Таэла, который дрожал, но старался не показывать страха.

— Но маяк... маяк — это интересно. Говорят, там можно всё остановить. Или всё начать заново.

Обьедала махнул рукой, и верёвки с Таэла сняли. Но свобода имела цену. Вождь указал на юношу, стоявшего чуть поодаль — худого, с насторожённым взглядом и шрамом через всё лицо. Это был Наз, его сын.

— Он пойдёт с вами. Будет вашим проводником. И свидетелем. Если вы лжёте — он расскажет мне, как вы умирали. Если правда — пусть увидит, как мир меняется.

Наз шагнул вперёд, его глаза скользнули по Рэе, по Орду, по Таэлу, задерживаясь на каждом лишь на мгновение, словно он запоминал не лица, а слабые места. В его взгляде не было враждебности — только любопытство, холодное и острое, как лезвие.

Они двинулись дальше, теперь уже четвером. Горы больше не казались просто скалами — они стали лабиринтом, где каждый поворот мог вести либо к спасению, либо к гибели. Туман сгущался, и в нём мелькали тени — не людей, а чего-то иного. Где-то вдалеке раздался протяжный, надрывный плач — Жалующий звал кого-то по имени, и голос эхом прокатывался по ущельям, смешиваясь с ветром. Таэл вздрогнул, но Рэя положила руку ему на плечо — не для утешения, а чтобы удержать на месте, не дать броситься на звук. Орд смотрел вперёд, в темноту, где тропа терялась среди камней, и думал о том, что враг действительно не снаружи — он в каждом выборе, в каждой сделке, в каждом шаге, который приближает их к маяку... или к пропасти.

И в этом странном союзе — выживших, каннибала-проводника и гор, дышащих холодом, — путь к Нулевому маяку становился не просто дорогой. Он становился испытанием, которое покажет, кто из них ещё имеет право называться человеком.

Глава 5. Семь ликов нежизни

Мёртвые поля начинались без предупреждения. Трава просто кончалась — не выгорала, не вялила, а кончалась, будто кто-то провёл черту и сказал: дальше земли нет. Только серая, потрескавшаяся равнина, уходящая к горизонту, и тишина — не тишина пустоты, а тишина, которая слушает.

Они шли гуськом: Рэя впереди, за ней Таэл, потом Наз, замыкал Орд. Каждый шаг отдавался сухим щелчком, и каждый щелчок казался предательством, будто они объявляли о себе всему, что ждало впереди.

Первый лик встретил их через час пути. Женщина сидела на обочине, обхватив колени, и плакала — тихо, надрывно, так плачут только по кому-то очень близкому. Она подняла голову, и по щекам её текли не слёзы, а нечто мутное, густое, похожее на растаявший воск. Она назвала Таэла по имени. Он никогда её не видел, но она звала его так, как звала бы мать — с той же болью, с тем же отчаянием. Рэя схватила его за руку и рванула прочь. Женщина протянула руки вслед, и из её пальцев потянулись тонкие нити, будто воздух загустевал вокруг неё, пытаясь удержать добычу. Жалующая. Они бежали, и плач преследовал их ещё долго — затихая, снова вспыхивая, зовя другими именами, именами людей, которых они знали.

Второй лик ждал у пересохшего колодца. Сначала они приняли их за камни — тёмные, неподвижные силуэты, сидящие кучами, прижавшись друг к другу, словно спящие птицы в холодную ночь. Десятки фигур, может, сотни — трудно было сосчитать в тусклом свете. Ни движения, ни дыхания, ни звука. Тихие. Орд остановил отряд жестом и указал вниз: под ногами валялась пустая фляга — кто-то до них уже проходил здесь, и что-то уронил. Он не поднял её. Они обходили Тихих по дуге, на цыпочках, затаив дыхание, и каждый понимал: один звук — и эта неподвижная масса вспыхнет движением, как стая вспугнутых птиц, только клювы у этих птиц будут зубы.

Третий лик нашёл их сам. Хозяйка стояла у перекрёстка, баюкая свёрток на руках. Она была молодая, красивая даже, если не смотреть в глаза — в них не было ничего, кроме бездонного, всепоглощающего покоя. Она напевала мелодию без слов, и мелодия эта проникала под кожу, вызывая странное желание подойти, заглянуть в свёрток, убедиться, что внутри — младенец. Наз остановился. Его лицо побледнело, губы дрогнули. Он шагнул было к ней, но Рэя ударила его по лицу — коротко, хлётко. Наз очнулся. Они обошли Хозяйку, прижавшись к противоположной обочине. Из свёртка, как дым из печи, поднималось тонкое облако спор, и там, где оно оседало на землю, трава не просто погибала — она менялась, становясь серой и ломкой, будто мёртвая природа давала новую жизнь чему-то чужому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.